

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

21-го Марта № 9 1898 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ.

По поводу отвѣта на статью „О задачахъ церковно-приходскихъ школъ“.

Отвѣтъ предсѣдателя Славяносербской земской управы г. В. Радакова на статью „О задачахъ церковно-приходскихъ школъ“, напечатанный въ № 9 „Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ за нынѣшній годъ, побуждаетъ насъ сказать еще нѣсколько словъ о задачахъ начальной народной школы. В. Радаковъ не согласенъ съ положеніемъ, что начальная народная школа на первомъ мѣстѣ должна ставить не обогащеніе ума учениковъ положительными знаніями, а воспитаніе сердца, доброе направленіе воли и что положительныя знанія должны имѣть въ начальной школѣ второстепенный, подчиненный характеръ. Приведя это положеніе, высказанное нами, авторъ „отвѣта“ спрашиваетъ: „можно ли согласиться съ тѣмъ, что поступкомъ человѣка должно руководить одно только чувство?“ и съ своей стороны утверждаетъ, что „основная задача воспитанія должна заключаться параллельно развитію нравственныхъ началъ въ развитіи воли и въ поднятіи умственного уровня человѣка; тогда слѣдствіемъ болѣе развитаго сознанія явится и разумное, сознательное направленіе чувства“. Вопросъ о томъ, какъ *должно* быть, чѣмъ *долженъ* руково-

дѣться чловѣкъ въ своихъ поступкахъ, относится къ области научныхъ вопросовъ, и для безусловнаго его рѣшенія мы не считаемъ себя вполне компетентными; мы говорили о томъ, что наблюдается въ дѣйствительности и что особенно имѣетъ мѣсто въ крестьянской средѣ, а дѣйствительность рѣдко совпадаетъ съ тѣмъ, что должно быть. Что преимущественно чувство двигаетъ поступками людей (религіозное-ли чувство, чувство-ли долга, чести, страха, зависти, ненависти, любви и проч.)—это не подлежитъ сомнѣнію, стоитъ только пристально понаблюдать, вообще, надъ людьми, и въ частности, надъ простымъ народомъ. Вся нравственная жизнь нашего простого народа покоится главнымъ образомъ на религіозномъ чувствѣ, которое является руководителемъ его дѣйствій, единственнымъ критеріемъ для оцѣнки своихъ и чужихъ поступковъ. „Это грѣхъ, за это Богъ накажетъ, такъ Богу угодно, такъ Богъ велитъ“—вотъ обычная формулировка этого чувства, какъ критерія для опредѣленія нравственнаго характера даннаго поступка. Крестьянинъ не знаетъ вѣдній чистаго долга, о которомъ трактовалъ Кантъ, не знаетъ онъ и утилитарныхъ принциповъ, даже въ томъ очищенномъ видѣ, въ какомъ проповѣдывалъ ихъ Милль; для него воля Божія, раскрываемая церковью, есть путеводная нить въ земной жизни. А чтобы религіозное чувство, которое въ жизни крестьянъ имѣетъ такое высокое значеніе, было живо и дѣйствительно, чтобы оно не помрачалось суетвѣріемъ и не подавлялось чувствами эгоистическими—объ этомъ прежде всего должна позаботиться школа. И не только въ крестьянской средѣ чувствами, а не разсужденіями, главнымъ образомъ, опредѣляются поступки чловѣка, вслѣдствіе чего и самыя разсужденія складываются подъ вліяніемъ даннаго чувства. Каждый изъ насъ можетъ указать многочисленныя примѣры

развитыхъ, образованныхъ людей, жизнь и дѣятельность которыхъ далеко не соотвѣтствуетъ высотѣ ихъ умственнаго развитія. Умъ такихъ людей обогащенъ различными знаніями и возвышенными идеями о служеніи правдѣ, о любви къ ближнимъ, о высокомъ наслажденіи альтруизма и проч., но ихъ развитое сознание бессильно вызвать въ сердцѣ соотвѣтствующее этимъ идеямъ чувство, вслѣдствіе чего и происходитъ разладъ между словомъ и дѣломъ, между знаніемъ и жизнью. Коренной недостатокъ нашихъ учебныхъ заведеній заключается въ томъ, что они даютъ знанія, но мало обращаютъ вниманія на воспитаніе чувства, на то, чтобы знанія вызывали въ учащихся соотвѣтствующія чувствованія и затѣмъ поступки. Никто не станетъ оспаривать справедливость положенія, высказаннаго г. Радаковымъ, что задача воспитанія должна заключаться въ параллельномъ развитіи всѣхъ душевныхъ силъ человѣка, но какъ этого достигнуть и можно-ли достигнуть? Это *ria desideria*, недостижимое никакою школою, а тѣмъ болѣе народною. Въ настоящее время бывшее увлеченіе русскаго общества возвышенными, но беспочвенными стремленіями, широкими, но мало осуществимыми задачами въ области народнаго образованія значительно охладѣло и все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто трезвому и правтическому взгляду на этотъ предметъ, который полагаетъ, что народная школа, не задаваясь идеальной цѣлью всесторонняго гармоническаго развитія учащихся, должна дать имъ прежде всего то, что наиболѣе имъ необходимо въ ихъ духовной жизни, отъ которой въ большой зависимости стоитъ и матеріальная, а потомъ и то, что необходимо для матеріальной жизни. Тридцатилѣтній опытъ свѣтской школы, который нельзя назвать удачнымъ, не прошелъ безслѣдно, а научилъ, что въ дѣлѣ народнаго образованія нужно не готовые теоріи

прилагать къ жизни, а присматриваться и изучать жизнь народа, и чрезъ школу стремиться дать ему то, отсутствіе чего дѣлаетъ эту жизнь столь тяжелой, бѣдной и непривлекательной. Трехлѣтній школьный періодъ слишкомъ малъ для того, чтобы можно было настолько обогатить умъ учащагося познаніями и, вообще, сдѣлать его сознаніе настолько разумнымъ, чтобы оно имѣло опредѣляющую силу для его поступковъ, если даже признать за знаніями первенствующее значеніе въ нравственной жизни человѣка. По выходѣ мальчика изъ школы, жизнь, какъ волна, снесетъ тѣ привитыя знанія, которыя не могли пустить корня въ душѣ, и обучавшійся въ школѣ можетъ опять обратиться въ первобытное состояніе или нравственно сдѣлаться хуже необучавшагося. Бывали примѣры, и даже нерѣдкіе, что знаніями, пріобрѣтенными въ школѣ, пользовались для худыхъ цѣлей. Въ газетахъ какъ-то писали объ одной учительницѣ народной школы, которая, будучи глубоко предана своему дѣлу, лишила себя жизни, когда увидѣла, что ученики ея широко воспользовались добытыми въ школѣ знаніями для эксплуатаціи своихъ односельчанъ. Намъ лично извѣстенъ примѣръ, что лучший ученикъ школы (лѣтъ 15 назадъ), прекрасно усвоившій школьный курсъ, имѣвшій свѣдѣнія изъ зоологіи, ботаники, антропологіи и проч., любимецъ учителя, по выходѣ изъ школы, оказался во главѣ шайки воровъ и потомъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Поэтому, по нашему мнѣнію, начальная народная школа прежде всего должна приложить всѣ старанія къ тому, чтобы развить и укрѣпить то драгоцѣнное состояніе души учащихся, которое является главнымъ руководителемъ ихъ нравственной жизни, т. е. религиозное чувство, которымъ почти тысячу лѣтъ живетъ нашъ народъ и благодаря которому онъ сохранилъ свой человѣческій образъ. Высочайшее повелѣніе 1897 года по

поводу дополнительнаго ассигнованія изъ суммъ государственнаго казначейства 1.500,000 руб. въ годъ на устройство и содержаніе церковно-приходскихъ школъ, отъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода и министра народнаго просвѣщенія требуетъ: „принять зависящія отъ нихъ мѣры къ охраненію въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія единства направленія, на основаніяхъ, установленныхъ повелѣніемъ 18 января 1862 года, и съ этою цѣлью имѣть неослабное наблюденіе, чтобы обученіе въ начальныхъ школахъ какъ духовнаго, такъ и гражданскаго вѣдомствъ, сообщая подроствающимъ поколѣніямъ народа необходимыя для жизни первоначальныя свѣдѣнія, воспитывало и укрѣпляло ихъ въ духѣ вѣры и доброй нравственности“. Воспитаніе и укрѣпленіе подроствающихъ поколѣній въ духѣ вѣры и доброй нравственности—вотъ первая задача начальной школы, а потомъ—сообщеніе необходимыхъ для жизни первоначальныхъ свѣдѣній.

Безъ сомнѣнія, душу человѣческую, существо живое и единое только въ представленіи, можно расчленять на отдѣльныя способности и отдѣльно говорить о развитіи ума, чувства и воли. Въ дѣйствительности эти душевныя силы такъ тѣсно связаны одна съ другой, что въ каждомъ проявленіи души человѣка въ большей или меньшей степени участвуетъ и умъ, и чувство, и воля. Поэтому, говоря о развитіи религіозно-нравственныхъ чувствъ у учащихся и укрѣпленіи ихъ воли въ добрыхъ поступкахъ, мы отнюдь не умаляемъ значенія ума, какъ способности души, ибо весь учебный матеріалъ усвоится умомъ, вслѣдствіе чего, вообще, умножаются познанія учащагося, и область разумнаго сознанія дѣлается шире. Тутъ вопросъ въ принципѣ: что должно составлять конечную цѣль начальнаго образованія—умноженіе ли познаній учащагося и, вообще, повы-

шеніе его умственнаго уровня, или же, путемъ цѣлесообразно подобраннаго учебнаго матеріала, созиданіе въ душѣ дитяти такого религіозно-нравственнаго настроенія, которое опредѣляло бы всю его жизнь. Защитники перваго положенія предполагаютъ, что сообщенный ученику въ школѣ кругъ познаній самъ собою благодѣтельно будетъ вліять на нравственную его жизнь. Мы же утверждаемъ, что для того, чтобы школа воспитала хорошаго человѣка, необходимо такъ подобрать и распредѣлить учебный матеріалъ, чтобы приобретаемое знаніе вызывало въ душѣ ученика доброе чувствованіе и чтобы такимъ путемъ постепенно, чрезъ повтореніе цѣлаго ряда однородныхъ чувствованій, создано въ душѣ доброе *настроеніе*, которое имѣетъ рѣшающее значеніе въ нравственной жизни человѣка. Наблюденія показываютъ, что настало время серьезно обратить вниманіе на нравственное воспитаніе учащихся въ начальныхъ школахъ. Не такъ давно было напечатано въ газетахъ извѣстіе, что одинъ изъ гласныхъ на земскомъ собраніи Брянскаго уѣзда констатировалъ предъ собраніемъ фактъ усиливающагося пониженія нравственнаго уровня въ населеніи и предлагалъ мѣры для борьбы съ этимъ печальнымъ явленіемъ. Онъ предлагалъ учредить особыхъ проповѣдниковъ, которые разъѣзжали бы по уѣзду и учили народъ. Но намъ кажется, что единственнымъ вѣрнымъ средствомъ для борьбы съ указаннымъ зломъ можетъ служить надлежаще поставленная школа.

Авторъ „отвѣта“ обвиняетъ насъ въ томъ, будто мы утверждаемъ, что земская школа, въ противоположность церковной, стремится лишить духовно-нравственный элементъ подобающаго ему мѣста въ школьной программѣ. Эта программа у насъ всегда имѣется подъ рукою, и, будучи знакома съ нею, мы такого утвержденія высказывать

не могли. Мы говорили объ увлеченіяхъ прежней земской школы, отъ которыхъ свободны нынѣшнія, о чемъ и была сдѣлана оговорка въ примѣчаніи. Но мы утверждали и утверждаемъ, что въ церковныхъ школахъ, по самой идеѣ ихъ, обращается больше вниманія на начала назиданія, чѣмъ въ другихъ какихъ либо. Особое положеніе, какое занимаетъ въ церковной школѣ священникъ, даетъ ему широкій просторъ для религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей. В. Радаковъ разницу въ положеніи священника въ земской и церковной школѣ видитъ только въ томъ, что въ первой трудъ его, какъ законоучителя, оплачивается, а во второй онъ безвозмезденъ. Въ дѣйствительности этимъ разницей не ограничивается, но идетъ дальше и касается самыхъ существенныхъ сторонъ отношенія священника къ школѣ. Въ земской школѣ священникъ состоитъ преподавателемъ закона Божія, въ церковной онъ состоитъ *завѣдующимъ* школою и преподавателемъ; въ земской школѣ онъ временный гость, посѣщающій школу въ извѣстные часы и далѣе своего предмета не имѣющій права вмѣшиваться въ жизнь школы; въ церковной онъ *хозяинъ* школы, не только преподающій свой предметъ, но имѣющій постоянное наблюденіе за преподаваніемъ всѣхъ предметовъ. Онъ руководитъ школою во всѣхъ отношеніяхъ, онъ отвѣчаетъ за направленіе школы, за успѣхи обученія и воспитанія. Права его настолько широки, что онъ можетъ своею властью допускать къ исправленію учительскихъ обязанностей избранное имъ лицо, только донося о томъ отдѣленію совѣта, и въ экстренныхъ случаяхъ можетъ удалить учителя изъ школы. Школы же грамоты всецѣло находятся въ ближайшемъ вѣдѣніи приходскаго священника. Права священника надъ школою логически вытекаютъ изъ его положенія въ приходѣ, какъ пастыря. Если ему для просвѣщенія народа

давно широкое право учительства въ церкви и внѣ ея, то естественно, что школа, которая является главнѣйшимъ средствомъ просвѣщенія, должна быть въ полномъ вѣдѣніи и на полной отвѣтственности священника, учитель же школы является помощникомъ священника, соработникомъ, сотрудникомъ въ дѣлѣ просвѣщенія народа.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ по поводу замѣчанія г. Радакова, что, разсуждая о задачахъ начальной школы, мы упустили изъ виду экономическія цѣли, которыя должна имѣть въ виду школа. На полноту изслѣдованія вопроса въ короткой газетной статьѣ мы не претендовали и теперь охотно соглашаемся со всѣмъ тѣмъ, что сказано авторомъ „отвѣта“ по данному вопросу. Но добавимъ, что какъ ни важно распространеніе въ народѣ путемъ школы полезныхъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній, ознакомленіе крестьянъ съ улучшенными орудіями и способами обработки земли и т. п.,—все это составляетъ одну изъ частныхъ задачъ начального образованія и ни въ какомъ случаѣ не должно препятствовать осуществленію главной. Начальная школа прежде всего должна изъ своихъ стѣнъ выпускать нравственно настроенныхъ дѣтей, сообщеніе же имъ прикладныхъ знаній должно стоять на второмъ планѣ. Нельзя отъ начальной школы требовать слишкомъ многого въ виду крайне краткаго времени, опредѣленнаго для прохожденія курса ея. Сознывая всю важность распространенія рациональныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству въ народѣ, можно пожалѣть, что наши земства доселѣ не открыли ни одного сельско-хозяйственнаго училища, куда бы могли поступать юноши, уже прошедшіе начальную школу. Въ курсѣ создающихся въ настоящее время церковныхъ второклассныхъ школъ отведено широкое мѣсто для теоретическихъ и практическихъ занятій по всѣмъ

отраслямъ сельскаго хозяйства: садоводству, огородничеству, пчеловодству и полеводству, преимущественно же по той отрасли хозяйства, которая наиболѣе примѣнима къ данной мѣстности. Для этой цѣли при каждой такой школѣ долженъ быть участокъ земли не менѣе, какъ въ 5 дес., и въ крайнемъ случаѣ въ 3—4 десят.; въ зимніе мѣсяцы въ этихъ школахъ предположено знакомить учениковъ съ ремеслами. По идеѣ эти школы должны быть малыми сельскими университетами. Было-бы весьма желательно, чтобы земства, для которыхъ интересы сельскаго населенія должны быть дороги, пришли на помощь этимъ школамъ, особенно на первыхъ порахъ, такъ какъ при тѣхъ небольшихъ средствахъ, какія отпускаетъ казна, нельзя все разомъ поставить широко и прочно.

Епархіальный наблюдатель, свящ. *Н. Р.*

ОТЧЕТЪ

о состояніи Екаторинославской Церковно-Учительской школы по учебно-воспитательной части за 189⁶/₇ учебный годъ.

(Окончаніе *).

Всѣхъ учащихся въ церковно-приходской школѣ при Архіерейскомъ домѣ въ началѣ 189⁶/₇ учебнаго года было—40, въ томъ числѣ: 30 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ. Въ первомъ отдѣленіи 18 душъ (14 мальчиковъ и 4 дѣвочки), во II-мъ отдѣленіи—22 (16 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ). Къ концу же учебнаго года осталось 30 душъ: 17 въ первомъ отдѣленіи и 13 во второмъ (выбыло 9 мальчиковъ и 1 дѣвочка). Школа имѣла всѣ необходимыя учебныя пособія: книги, географическіе атласы, арифметическій ящикъ, шведскіе счеты, торговые счеты и письменныя принадлежности. Ученики пользовались бесплатно всѣми учебными пособіями и пись-

* См. № 8 за 1898 г. наш. Вѣд.).

менными принадлежностями, какъ то: книгами, бумагой, аспидными досками, грифелями, чернилами и карандашами.

17-го мая былъ произведенъ экзамень въ церковно-приходской образцовой школѣ въ присутствіи предсѣдателя совѣта Церковно-Учительской школы, священника В. Острогорскаго, ея завѣдующаго—члена Епархіальнаго училищнаго совѣта, Г. Соколова, епархіальнаго наблюдателя священника Н. Рубанистаго, законоучителя и учителя школы Авксентія Чабана и нѣкоторыхъ преподавателей Церковно-Учительской школы. Экзамень былъ произведенъ, какъ оканчивающимъ курсъ, такъ и переходящимъ во второе отдѣленіе. Изъ нихъ 5 мальчиковъ получили льготныя свидѣтельства и 2 окончившихъ школьный курсъ дѣвочки признаны достойными похвальныхъ листовъ; переведено во II-е отдѣленіе—12, оставлено на повторительный курсъ во II-мъ отдѣленіи 6, въ I-мъ 5.

Общіе выводы.

14-го іюня 1894 года Екатеринославскій Епархіальный Училищный Совѣтъ разсуждалъ о необходимости, кромѣ школы для приготовления псаломщиковъ, устроить еще другую Церковно-Учительскую школу, въ виду, между прочимъ, того, что служба окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи въ качествѣ учителей церковныхъ школъ непродолжительна, окончившія курсъ въ женскихъ училищахъ также не подолгу остаются учительницами: скоро оставляя школу, онѣ выходятъ замужъ; учителямъ же, окончившимъ курсъ въ разныхъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, недостаетъ надлежащей теоретической и практической подготовки къ учительству, что весьма неблагоприятно отзывается на успѣхахъ школьнаго дѣла (журналъ Епарх. Учил. Совѣта отъ 14 іюня 1894 года). Основательность разсужденій Екатеринославскаго Училищнаго Совѣта, подтверждаемая подобными же данными многихъ епархій Россіи и разъясненіями многихъ органовъ духовной печати и въ частности „Церковною Школою“—повременнымъ изданіемъ, рассылавшимся въ прежніе годы центральнымъ духовнымъ Управленіемъ во все училищные епархіальные совѣты *),—остается и те-

*) „Надо надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ каждая епархія обзаведется своею Церковно-Учительскою школою, которая является приближеннымъ

перъ во всей своей силѣ для нашего края, гдѣ для окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи учительство въ церковной школѣ не является достаточно обезпечивающимъ мѣстомъ и служить только промежуточною станціею (на одинъ—два, много три года) для занятія мѣста священника или для другого болѣе обезпеченнаго, чѣмъ учительство, положенія; а вышедшія изъ женскаго училища, хотя и остаются учительницами на болѣе продолжительный срокъ (на три—четыре года, а въ исключительныхъ случаяхъ и по необходимости, и больше)—не могутъ не считать своего положенія переходнымъ, видя свое назначеніе въ жизни семейной и ища его. Учителей, полагающихъ въ учительствѣ задачу своей жизни и свое призваніе, отдающихъ школѣ свои заботы, потому что ихъ работа при нихъ же, въ періодъ ихъ учительства въ школѣ, и приносить свои плоды и они видятъ, каковы ихъ питомцы въ жизни, и за плохое веденіе дѣла они отвѣчаютъ, при чемъ это отражается и на ихъ благосостояніи,—такихъ учителей, подобныхъ по своему положенію и назначенію учителямъ, выходящимъ изъ учительской семинаріи, церковная школа не имѣетъ еще. Что же касается учителей діаконовъ и псаломщиковъ, то опытъ очевидно доказалъ (и не только въ нашей епархіи), что соединеніе этихъ двухъ обязанностей въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ вредно отражается на школѣ, и подобнаго соединенія теперь по возможности стараются избѣгать. Итакъ, церковная школа не имѣетъ у себя specialнаго учителя, имѣя только временно такихъ учителей (въ лицѣ окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи и женскомъ училищѣ), да и процентъ такихъ учителей сравнительно

для сиротъ духовнаго званія и для тѣхъ дѣтей духовенства, которыя по бѣдности или малоуспѣшности не могутъ окончить курсъ семинаріи. Они не будутъ оторваны отъ своего сословія и отъ служенія Церкви, а будутъ еще, кромѣ того, и наставниками приходскихъ дѣтей. Церковно-Учительская школа, по самому духу своему, есть учрежденіе миссіонерское. Служить Церкви, бороться съ расколомъ (сектанствомъ—для нашего края), обучать въ церковномъ духѣ можетъ только человѣкъ, глубоко проникнутый вѣрою и убѣжденный въ своемъ призваніи къ святому дѣлу. Онъ своею вѣрою и убѣжденіемъ будетъ возжигать вѣру въ слабыхъ и колеблющихся, утверждать ее въ сильныхъ и бороться съ жеученіемъ сектантовъ. Дай Богъ, чтобы такихъ, горящихъ любовію къ Церкви, дѣятелей готовила Церковно-Учительская школа“ (№ 3, стр. 58—59, 1888 годъ).

со всѣмъ количествомъ школъ незначителенъ. Если школа грамоты, съ открытіемъ второклассныхъ школъ, можетъ надѣяться имѣть учителей специалистовъ, то церковно-приходская школа все-таки не рѣдко будетъ оставаться безъ таковыхъ.

Можно-ли допустить, что достаточное количество учителей для церковно-приходскихъ школъ доставать свѣтскія учительскія семинаріи, учителя земскихъ школъ и случайныя лица, получившія и не получившія свидѣтельствъ на званіе учителя? Не входя въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, лучше ли люди переходятъ изъ земскихъ школъ въ церковныя и переходятъ ли по убѣжденію въ преимуществѣ церковной школы и желанія поработать въ ней съ большимъ успѣхомъ и пользою для народа, или же идутъ сюда прибытка ради и въ надеждѣ на матеріальныя выгоды въ будущемъ—необходимо сказать, что если есть особый типъ школы, то и учителя этой школы *должны имѣть специальную подготовку, именно въ виду задачи своей школы*,—знать то, что требуется именно въ этой школѣ, а также по своему направленію, склонностямъ и жизни соответствовать ей. Допускать же свободное передвиженіе учителей изъ школы одного типа въ школу другого типа и свободное поступленіе всѣхъ, имѣющихъ свидѣтельство и безъ свидѣтельствъ, съ домашнимъ образованіемъ и „образованіемъ неизвѣстно, гдѣ полученнымъ“ (какъ иногда говорится въ отчетахъ),—значитъ въ теоріи признавать, что церковно-приходская школа есть школа особаго типа по своей постановкѣ и направленію, а на дѣлѣ допускать, что она безличная школа, для которой годится всякій учитель, лишь бы былъ онъ незасорный по жизни да имѣлъ нѣкоторыя знанія. Не ясно ли, что если свѣтская школа привела къ необходимости имѣть учительскую семинарію, дающую учителей по своимъ познаніямъ, подготовкѣ и направленію соответствующихъ требованіямъ именно свѣтской школы, то и церковная школа должна имѣть учителей, подготовленныхъ вести достойнымъ образомъ именно церковную школу, и лично, по своей жизни, интересамъ и направленію ей соответствующихъ? Пока каждая епархія, а въ томъ числѣ и Екатеринославская, не будетъ имѣть своей Церковно-Учительской семинаріи или же другого подобнаго ей учебнаго заведенія, хотя бы и подъ другимъ названіемъ,—зданіе церковной школы не будетъ увѣнчано и усилія ду-

ховенства и школьнаго начальства будутъ часто безуспѣшными, по причинѣ отсутствія учителей, имѣющихъ подготовку и направленіе, соотвѣтствующія требованіямъ церковной школы, и способныхъ поддержать ее и служить ей, а не тормозить и обезличивать, и видящихъ въ учительствѣ, именно въ церковной школѣ, призваніе своей жизни, а не временное и случайное положеніе, въ надеждѣ на иное, лучшее будущее.

Списки воспитанниковъ Екатеринославской Церковно-Учительской школы за 189⁶/₇ учебный годъ показываютъ, что большинство учащихся въ ней—дѣти духовенства этой епархіи. Если же въ ней и обучалось нѣсколько дѣтей иноепархіальнаго духовенства или же свѣтскія лица, то лишь со взносомъ (согласно постановленію съѣзда духовенства нашей епархіи)—250 р. (общая сумма такихъ взносовъ въ отчетномъ году—1745 р.),—что было большимъ подспорьемъ для содержанія школы. Слѣдовательно, Екатеринославская Церковно-Учительская школа есть учебное заведеніе, устроенное для дѣтей духовенства этой же епархіи *). Въ ней воспитывались дѣти, вышедшія изъ разныхъ классовъ духовнаго училища и I-го класса духовной семинаріи и только немногіе изъ свѣтскихъ—изъ городскихъ и др. двухклассныхъ училищъ. Поступающіе въ Церковно-Учительскую школу были большею частію неудачники въ учебномъ отношеніи, не осилившіе латыни или греческаго языка и неспособные продолжать ученіе въ духовной семинаріи. По своему же характеру это были люди способные подчиняться порядку и тихіе, и, какъ показали наблюденія въ истекшемъ учебномъ году,—люди, стоящіе по своимъ добрымъ свойствамъ и поведенію ничуть не ниже обучающихся въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ **). Неспособные осиливать семинарскія

*) Въ ихъ числѣ были и сироты (къ концу отчетнаго года ихъ оставалось 12, было же въ началѣ года—14) на полномъ содержаніи духовенства. Эти сироты получали столъ, квартиру и всѣ нужныя пособія для ученія, а также одежду и обувь. Имѣющіе же родителей платили по 100 р. въ годъ,—что должно быть признано большимъ подспорьемъ къ суммѣ (6,235), ассигнуемой духовенствомъ ежегодно на содержаніе школы, такъ какъ такихъ взносовъ отъ воспитанниковъ въ отчетномъ году оказалось 1680 р.

**) Принимаются же въ школу, согласно требованіямъ ея устава, лица только вполне безупречнаго поведенія, имѣющія 5 въ своихъ школьныхъ свидѣтельствахъ, а изъ бывшихъ внѣ учебныхъ заведеній больше года—представившія отъ благочинныхъ удостовѣренія въ своемъ добромъ поведеніи.

науки, они, въ большинствѣ случаевъ, были способны осилить курсъ предметовъ, нужныхъ для учителя церковно-приходской школы и псаломщика, воспитываемые строго въ церковномъ духѣ, ежедневно посѣщающіе по очереди церковь и школу, они получали нужныя знанія и навыки и должное направленіе. Они специально готовились быть учителями церковной школы (получая въ то же время подготовку и къ тому, чтобы быть псаломщиками, ибо были достаточно знакомы съ церковнымъ уставомъ, церковнымъ пѣніемъ и съ церковно-славянскимъ чтеніемъ) въ двухъ отношеніяхъ: 1) узнавая то и такъ, какъ нужно для церковной школы. и по самой жизни своей подготавливаясь къ своему дѣлу и 2) считая учительство своимъ призваніемъ, задачею своей жизни и дорожа учительскимъ мѣстомъ. Слѣдовательно, давая воспитаніе дѣтямъ духовенства, удаленнымъ изъ другихъ учебныхъ заведеній, и сиротамъ, не получившимъ подготовки для прохожденія курса духовныхъ семинарій, Церковно-Учительская школа можетъ готовить ежегодно контингентъ учителей, достаточно подготовленныхъ къ учительству и наиболѣе приспособленныхъ къ нелегкой долѣ учительства,—потому что по малоспособности или по инымъ причинамъ не могущіе пройти курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, они, обычно, неспособны и крестьянствовать, а также не имѣютъ ни подготовки, ни охоты, ни способности быть мастерами, поступить на фабрику или заводъ, но достаточно способны и болѣе всего склонны получать специальную подготовку—учительствовать въ церковныхъ школахъ и расположены смотрѣть на это дѣло, какъ на свое призваніе. Такихъ лицъ не мало (прошеній каждый годъ значительно больше, чѣмъ вакансій) и изъ нихъ можно выбирать достойнѣйшихъ. Сюда же должно причислить и свѣтскихъ лицъ (въ томъ числѣ и крестьянъ), чувствующихъ призваніе и охоту и имѣющихъ возможность, просе дни одноклассную или двухклассную школу, закончить свою подготовку къ учительству въ Церковно-Учительской школѣ и потомъ посвятить себя на служеніе народу путемъ обученія и воспитанія дѣтей и входящихъ по призванію въ ряды лицъ посвятившихъ себя миссіи—просвѣщать народъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Въ то время, какъ второклассныя школы, существуя въ каждомъ уѣздѣ епархіи, подготавливали бы главнымъ образомъ учителей школъ грамоты,—Цер-

ковно-Учительская школа выпускала бы учителей для церковно-приходских школ, достаточно для своего дѣла подготовленных,—главнымъ образомъ дѣтей духовенства, находящихся въ этомъ и свое призваніе, и свое обезпеченіе.

Въ силу всѣхъ вышеизложенныхъ причинъ Екатеринославская Церковно-Учительская школа въ заботахъ епархіальнаго духовенства должна занимать видное мѣсто: для прихода нуженъ священникъ, но и учитель церковной школы, какъ его ближайшій помощникъ, имѣетъ важное значеніе. Вотъ почему, хотя дѣти духовенства епархіи, имѣющіе болѣе обезпеченное будущее,—воспитанники духовныхъ семинарій, заслуживаютъ его заботъ и вниманія, но и менѣе одареннымъ изъ своихъ дѣтей, которыхъ ждетъ болѣе скромная доля, не должно отказывать въ своемъ сочувствіи и вниманіи. Духовная семинарія, мужское и женское духовныя училища и Церковно-Учительская школа (или Церковно-Учительская семинарія)—вотъ предметы заботъ духовенства, близко къ нему стоящіе. Теперь, когда духовная семинарія, мужское и женское училища достаточно организованы и благоустроены въ экономическомъ отношеніи—вниманіе духовенства должно быть обращено и на благоустройство Церковно-Учительской школы—прежде всего ради пользы епархіи въ религіозно-нравственномъ отношеніи, а потомъ и ради блага своихъ же собственныхъ дѣтей—неудачниковъ, для коихъ Церковно-Учительская школа—единственное средство получить законченное въ извѣстномъ смыслѣ и пѣлесообразное образованіе и обезпечить себя, насколько возможно, кускомъ хлѣба,—а безъ этого они—или остаются бременемъ для родителей и родныхъ, или если и получаютъ мѣсто, то болшею частію незаслуженно, а изъ милости только, и оказываются безъ надлежащей подготовки къ исполненію своихъ обязанностей.

Сѣздъ духовенства Екатеринославской епархіи прошлаго года протоколомъ № 9, утвержденнымъ 11-го октября Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Сумеономъ, выразилъ желаніе расширить курсъ Церковно-Учительской школы, въ виду подготовленія учителей и псаломщиковъ къ борьбѣ съ сектантствомъ, какъ помощниковъ приходскихъ пастырей: сѣзду духовенства настоящаго года предлежитъ вопросъ относительно матеріальнаго обезпе-

ченія этой школы,—что не только требуется предполагаемымъ расширеніемъ курса школы (а это приведетъ къ открытію третьяго класса школы и къ увеличенію числа учащихся въ ней), но и тѣмъ, что по Уставу Екатеринославской Церковно-Учительской школы (§ 3) „общепархіальнымъ създамъ подлежить разсмотрѣніе отчетовъ совѣта школы по ея экономическимъ дѣламъ и представляется право входить въ соображенія по поводу возможно лучшей постановки школы въ семь послѣднемъ отношеніи“.

Завѣдующій Церковно-Учительскою школою *Георгій Соколовъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

— *Сила архипастырскаго увѣщанія.*—Преподобный Анастасій, епископъ Воронежскій и Задонскій, побѣтилъ мѣстный тюремный замокъ. Помолвившись въ тюремной церкви, преподобный пожелалъ обойти камеры заключенныхъ. Въ каждой камерѣ, сообразно категоріи заключенныхъ, преподобный говорилъ назиданіе, увѣщавая отбыть наказаніе съ терпѣніемъ и затѣмъ, по выходѣ изъ тюрьмы, начать новую жизнь, какъ надлежитъ истинному христіанину, вступить на новый путь добра и правды, указанный Христомъ.

Преподобный говорилъ простымъ, понятнымъ для каждаго языкомъ, и настолько сильно и убѣдительно, что слово его произвело глубокое впечатлѣніе на заключенныхъ: у многихъ свѣтились въ глазахъ слезы. На заявленіе одного арестанта о томъ, что онъ осужденъ невинно, архипастырь сказалъ, что во всякомъ человѣческомъ страданіи надобно усматривать промыслъ Божій; быть можетъ, Господь этимъ путемъ жадеетъ спасти тебя, а можетъ быть, ты страдаешь и за тѣ грѣхи, которые извѣстны Богу, да твоей совѣсти; арестантъ заплакалъ... Въ камерѣ слѣдственныхъ арестантовъ преподобный говорилъ о покаяніи. Сказавъ нѣсколько словъ о томъ, какое вліяніе производитъ покаяніе на духовный міръ человѣка, что покаяніемъ человѣкъ очищаетъ свою душу отъ грѣха, архипастырь закончилъ свое слово такимъ обращеніемъ: „такъ покайтесь же, братіе! Покайтесь предъ Богомъ и предъ властями!“ За-

тѣмъ, благословивши каждаго арестанта, преосвященный отбылъ изъ тюремнаго замка. Тотъ часъ же послѣ его отъѣзда одинъ изъ арестантовъ, явившись въ тюремную контору, написалъ заявленіе судебному слѣдователю, что онъ, послѣ архипастырскаго назиданія, считаетъ долгомъ для себя сознаться во всемъ по совѣсти, и когда прибылъ въ тюрьму слѣдователь, арестантъ дѣйствительно написалъ ему чистосердечное сознаніе въ совершенномъ имъ преступленіи. (Взято изъ Могилевскихъ Епар. Вѣд.)

— *Достойное вниманія явленіе.* Въ прошлоу 1897 году „Новое Время“ въ № 7549 помѣстило изъ отчета о Томскомъ университетѣ за 1896 годъ слѣдующія свѣдѣнія, заимствованныя изъ газеты „Врачъ“:

Пробыло по два года на курсѣ семинаристовъ: гимназистовъ:

22% 43%

Уволено по невыдержанію полу-

курсоваго экзамена 3% 17%

Пробыло всѣ 10 полугодій 63% 43%

Выдержало экзаменъ на степенъ

врача 50% 36%

Изъ нихъ съ отличіемъ 22% 6%

Послѣ такихъ данныхъ понятно—почему семинаристы стали вновь допускаться и въ другіе университеты. „С. П. Я.“

— *Мысль самообразованія духовенства.*—Духовенство разныхъ епархій, сознавая необходимость самообразованія, особенно въ настоящее время, когда отъ него требуется такъ много знаній, въ связи съ возвышеніемъ общаго образованія въ государствѣ и по причинѣ возложенныхъ на него великихъ обязанностей въ дѣлѣ просвѣщенія народа, старается заводить *библіотеки благочинническія* или улучшать *церковныя*. Такъ, этимъ вопросомъ недавно былъ занятъ общеeparхіальный съѣздъ благочинныхъ Тульской епархіи, рѣшившій составить особый капиталъ для пополненія библіотекъ при церквахъ. Объ этомъ же разсуждали депутаты на Вятскомъ епархіальномъ съѣздѣ. Объ этомъ же былъ предложенъ вопросъ общеeparхіальному съѣзду благочинныхъ Тверской епархіи. Преосвященный Уфимскій Іустинъ, между прочимъ, по этому предмету пишетъ: „по собственному опыту знаю, у пастыря церкви, особенно сельскаго, какъ бы ни былъ великъ его при-

ходь, остается много свободнаго времени. А какъ поступать съ этимъ свободнымъ временемъ? въ чемъ его проводить? Это для многихъ сельскихъ пастырей служить камнемъ преткновенія. Счастливы тотъ пастырь, который найдетъ себѣ приличное дѣло, несчастливъ тотъ, кто не сумѣетъ найти себѣ подходящаго дѣла. Кромѣ занятій семейныхъ и хозяйственныхъ, пастырю церкви всего приличнѣе, полезнѣе и необходимѣе заботиться въ свободное время чтеніемъ книгъ. Умственное оскуднѣе грозитъ тѣмъ изъ нашихъ пастырей, которые только пользуются прежними (школьными) познаніями, а новыхъ не приобретаютъ. Наблюдая такихъ пастырей въ теченіи многихъ лѣтъ, я замѣтилъ, говорить одинъ благочинный, что уровень ихъ познаній постепенно понижается до степени практическаго житейскаго смысла, такъ что они приближаются отчасти къ той средѣ, въ которой живутъ и трудятся.“

(Мошав. Еп. Внд.)

— Начало обычая украшать тѣла, гробы и могилы умершихъ лежитъ въ языческой древности. Язычество, вообще, состоитъ въ обоготвореніи видимой природы и потому естественно приходитъ къ мысли о взаимной тѣсной связи между человѣкомъ и міромъ растительнымъ. Прийти къ такой мысли было тѣмъ легче, что жизнь человѣка имѣетъ много сходства съ жизнію растений: появленіе зародыша, постепенный ростъ, возмужалость и цвѣтъ, зрѣлость, плодъ, ослабленіе, дряхлость. И само св. писаніе сравниваетъ человѣка то съ травой (Псал. 89), то съ полевымъ цвѣткомъ (Псал. 102, 15; I Петр., 124). Очевидно, въ сознаніи язычниковъ предносилась, хотя и неясно, мысль о будущей, загробной жизни; почему мысль эту они и стремились выразить украшеніемъ покойниковъ, ихъ гробовъ и могилъ цвѣтами и растеніями, которые служили символами будущаго возрожденія и воскресенія умершихъ: зима, когда растенія увядаютъ, служила символомъ смерти, а весна и лѣто, когда вся природа и растенія оживаютъ, — символомъ воскресенія. Вслѣдствіе этого почти у всѣхъ языческихъ народовъ употребленіе цвѣтовъ и растеній при погребеніи умершихъ было очень распространено... Иногда растенія ставились передъ домомъ, въ которомъ находилась покойникъ, вокругъ гроба или были разсаживаемы на могилахъ.

Христіанство, освѣтившее темное представленіе язычниковъ о

безсмертіи и превратившее это представление въ непоколебимую увѣренность, и обычаю украшать покойниковъ растениями сообщило свой смыслъ, хотя въ церковныхъ установленіяхъ не было нигдѣ указаній объ употребленіи растений и цвѣтовъ при погребеніи. Обычай этотъ нашель большое примѣненіе и распространеніе въ Церкви Западной, откуда перешель къ намъ по подражанію сравнительно въ недавнее время. Упомянтія о существованіи этого обычая мы находимъ у св. Амвросія Медиоланскаго въ его рѣчи на смерть императора Валентиніана II (390 г.), у св. Григорія Богослова (329—390 г.) въ надгробномъ словѣ брату Кесарію и у др. съ такимъ однако поясненіемъ, что обычай этотъ не находилъ всеобщаго одобренія среди христіанъ, которые предпочитали чествовать умершихъ словомъ назиданія и добрыми дѣлами. Такъ св. Григорій Богословъ въ указанномъ мѣстѣ говорить: „Прочь отъ меня съ языческими игрищами и представленіями въ честь несчастныхъ юношей... Прочь съ тѣми обрядами, въ которыхъ насысами, приношеніемъ начатковъ, вѣнцами и свѣжими цвѣтами успокоивали тѣла усопшихъ человѣковъ, покоряясь болѣе отечественному обычаю и неразумію горести, нежели разуму. Мой даръ — слово; оно, переходя далѣе и далѣе, достигнетъ, можетъ быть, и будущихъ временъ... и сохранить... явственнѣе картины изображенія возлюбленнаго“ *).

Кромѣ общаго, присущаго цвѣтамъ и растениямъ, символическаго значенія, нѣкоторые изъ нихъ, сообразно своимъ свойствамъ, употреблялись преимущественно предъ другими для украшенія покойниковъ, гробовъ и могилъ. Къ такимъ растениямъ относятся розы, фіалки, лиліи, розмаринъ, барвинокъ, плющъ, миртъ, сосна, ель, кипарисъ, лавръ, пальма и др. *Роза* — лучший изъ всѣхъ цвѣтовъ — издревле означаетъ начало жизни (еще у Гомера часто встрѣчается выраженіе — розоперстая заря). Бѣлый цвѣтъ розы, а равно *фіалки и лиліи*, такъ же бѣлый, и расцвѣтающій очень рано, символически означаетъ нравственную чистоту и непорочность; Пресв. Дѣва Марія нерѣдко изображается съ лиліей въ рукѣ или съ вѣнцомъ изъ лилій на головѣ. Красный цвѣтъ розы, по восточному сказанію, произошелъ отъ первой пролитой на землѣ крови;

*). Дополн. къ святоотеческой христоматіи Поторжинскаго, стр. 104. Нарядо

почему ему усволяется значеніе мученичества. *Размаринъ, барвинокъ, плющъ, миртъ, сосна и ель* суть растенія постоянно сохраняющія свою зелень; почему ими украшаемы были могилы умершихъ въ знакъ не прекращающейся жизни и любви, простирающейся и на умершихъ. Изображенія мирты встрѣчается и на древне-христіанскихъ гробницахъ. *Кипарисъ*—дерево не теряющее листьевъ и не гниющее, по Амвросію Медиоланскому и по Григорію Богослову, служитъ образомъ праведника, утвердившагося въ благодати Божіей. Вслѣдствіе тѣхъ же двухъ свойствъ кипарисъ служилъ символомъ никогда не прекращающейся жизни. *Лавръ* всегда служилъ символомъ торжества и побѣды. Листья и вѣтви лавровые имѣли широкое употребленіе и у христіанъ первыхъ вѣковъ. По свидѣтельству Григорія Турскаго (540—595 г.), въ его время подъ тѣла умершихъ подстилались лавровые листья. На гробницахъ и другихъ древне-христіанскихъ памятникахъ часто встрѣчаются изображенія лавровыхъ деревьевъ и вѣнковъ. Какъ постоянно зеленѣющее, лавровое дерево также служило символомъ не прекращающейся жизни и будущаго воскресенія. Самое воскресеніе Иисуса Христа въ христіанской символикѣ первыхъ трехъ вѣковъ изображалось чрезъ крестъ, окруженный лавровымъ вѣнкомъ. Другимъ символомъ побѣды служила *пальма*. При входѣ въ Иерусалимъ Господа, какъ Царя, Онъ встрѣченъ былъ народомъ съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ (Іоан. XII, 13). По объясненію Тертуліана, Оригена, Амвросія Медиоланскаго и Григорія Богослова пальма означаетъ „награду за побѣду“. Въ Апокалипсисѣ св. Іоанна мученики, устоявшіе въ борьбѣ, являются предъ престоломъ Божіимъ съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ (VI, 9). „Пальма мученичества“—выраженіе часто встрѣчающееся въ диптихахъ, мученическихъ актахъ и мартирологахъ. *Верба* или ива—дерево, нашедшее употребленіе при христіанскомъ богослуженіи. Упоминаніе о вербѣ соединено съ воспоминаніемъ евреями о Сионѣ [*на вербахъ посреди ея обѣсѣхомъ органы наша* (Псал. 136, 1—2). Вербанъ какъ дерево, ранѣе другихъ распускающееся, служитъ символомъ воскресенія и новой жизни и замѣняетъ у насъ въ недѣлю Вайи пальму.

Изъ сказаннаго видно, откуда произошелъ и что означаетъ обычай украшать самихъ покойниковъ, гробы и могилы ихъ

растеніями и цвѣтами и устилать ими путь къ кладбищу. Видно и то, что въ обычаѣ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго; напротивъ, обычай этотъ полонъ глубокаго смысла и въ различныхъ формахъ служитъ носителемъ идеи безсмертія. Сама православная Церковь въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускаетъ употребленіе цвѣтовъ, напр. для украшенія креста Господня 1 августа, въ праздникъ Воздвиженія, въ недѣлю крестопоклонную. Къ сожалѣнію, обычай употреблять цвѣты и растенія въ видѣ вѣнковъ, при погребеніи умершихъ, получилъ совершенно неправильную и до чудовищности странную форму (вѣнки металлическіе); почему и сдѣлался не носителемъ и выразителемъ идеи безсмертія, а способомъ чествованія иногда сомнительныхъ заслугъ почившаго, а еще болѣе пустымъ требованіемъ приличія, сопряженнымъ однако съ большими и обременительными для небогатыхъ людей издержками. Въ виду этого Св. Синодъ (20 дек. 1885 г. и 20 янв. 1886 г.) опредѣлилъ: „Воспретить при слѣдованіи погребальныхъ шествій въ церковь для отпѣванія и на кладбища для погребенія—ношенія вѣнковъ съ надписями или безъ оныхъ, а равно и иныхъ знаковъ и эмблемъ, не имѣющихъ церковнаго или государственно официальнаго значенія, и строгое за симъ наблюденіе вмѣнить въ обязанность полицейскимъ властямъ“. Независимо отъ сего, въ видахъ охраненія должнаго благочинія и подобающаго святынѣ уваженія въ самыхъ храмахъ при отпѣваніи усопшихъ, Св. Синодъ (опред. 10—12 февр. 1886 г.) вмѣнилъ въ обязанность настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей, а равно и настоятелямъ приходскихъ церквей и кладбищъ, въ случаѣ желанія родственниковъ умершаго обставить гробъ его въ храмѣ деревьями и растеніями, имѣть попеченіе, чтобы предназначенныя для того деревья и растенія отнюдь не закрывали отъ молящихся иконостаса и царскихъ вратъ и не мѣшали священнослужителямъ, при совершеніи отпѣванія. (Самар. Еп. вѣд.).

Хроника Епархіальной жизни.

7 Марта, Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Сумеонъ, при служеніи въ Крестовой церкви всеобщаго бдѣнія совершалъ выносъ и поклоненіе Св. и Животворящему Кресту Господню.

8 Марта, Воскресенье, Его Преосвященство совершалъ Божественную литургію въ Крестовой церкви, въ сослуженіи: ключаря собора протоіерея М. Знаменскаго, священника Д. Рѣпинскаго и іеромонаховъ: Платона и Василя. За литургіей Его Преосвященствомъ посвящено въ стихарь 4 воспитанника 6 класса Екатеринбургской Духовной Семинаріи и рукоположены: во діакона—псаломщикъ Лаврентій Гаркаленко и во іерея—діаконъ Матвѣй Ивановъ. Его Преосвященствомъ произнесено слово.

13 Марта, Его Преосвященство въ Крестовой церкви на повечеріи читалъ „Пассію“ и произнесъ слово.

15 Марта, Воскресенье, Его Преосвященство совершалъ освященіе антиминсовъ и Божественную литургію въ Крестовой церкви, въ сослуженіи: ключаря собора протоіерея М. Знаменскаго, священника Ф. Гераскевича и іеромонаховъ: Василя и Пахомія. За литургіей Его Преосвященствомъ посвящено въ стихарь 4 воспитанника VI класса Екатеринбургской Духовной Семинаріи и рукоположенъ во іерея—діаконъ Лаврентій Гаркаленко.

17 Марта, Его Преосвященство изволилъ присутствовать на урокахъ въ Екатеринбургской Духовной Семинаріи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ ИВАНА КАРПОВИЧА ШКИТКО

(ДВѢ СЕРЕБРЯНЫЯ МЕДАЛИ).

Принимаются къ исполненію слѣдующія работы: написанія св. иконъ, отдѣлка церквей (окраска и живопись) и возобновленіе и устройство въ нихъ иконостасовъ.

Работы исполняются добросовѣстно и аккуратно.

Мастерская помѣщается въ г. РОСТОВѢ на Дону, по Казанской улицѣ, вблизи новаго базара, домъ № 83, собственный.

ИКОНОСТАСНАЯ МАСТЕРСКАЯ

ЖИВОПИСЦА

В. Р. МАСЮТИНА

Принимаются заказы на всѣ церковныя работы, какъ то: устройство новыхъ Иконостасовъ и перезолоту старыхъ, образа для иконостасовъ съ живописными и золочеными цированными и чеканными фонами, росписаніе церквей священно-исторической живописью и орнаментами, росписаніе фронтоновъ, позолоту главъ, крестовъ, окраску церквей и проч.

**Всѣ заказы исполняются прочно, аккуратно
и по умѣреннымъ цѣнамъ.**

Прошу обращаться съ заказами по слѣдующему адресу: гор. Екатеринославъ, Троицкая улица, домъ Погуляевой, Иконостасная мастерская, **Владиміру Родіоновичу Масютину.**

В Н О В Ъ О Т К Р Ы Т Ы Й

МАГАЗИНЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ВЕЩЕЙ

СЕМЕНА ЕФИМОВИЧА

ВАСИЛЕНКО

подъ город. учрежденіями, возлѣ собора.

Имѣется большой выборъ всевозможныхъ церковныхъ товаровъ: люстръ, подсвѣчниковъ, сосудовъ серебрян. и металлическихъ, иконъ, кіотовъ, церковныхъ книгъ, парчи, готовыхъ облаченій и приемъ заказовъ на всѣ церковныя вещи.

Люстры массивныя отъ 60—1500 р.

Подсвѣчника " " 15—300 " за штуку.

" вын. отъ 4—50—30 " "

Сосуды серебрян., вызолочен. изящной раб. отъ 30 коп. за золотв. и дороже.

Парча отъ 60 коп.—40 р. за арш.

Готовыя облаченія изъ парчи аплике отъ 20 р. и дороже.

" " " " серебрян. 94% отъ 50—1000 р.

Здѣсь же отдѣленіе **СКОБЯНЫХЪ ТОВАРОВЪ**, дверныхъ, оконныхъ и печныхъ приборовъ, мѣдной, чугуновой эмалированной посуды и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей.

Иллюстрированныя Прейсъ-Куранты магазина высылаются по первому требованію.

Адресъ: г. Ростовъ Донъ, магазинъ церковн. вещей С. Е. Василенко (подъ городской думой). 16—36

Редакторъ, Инспекторъ Семинаріи *Матей Монастырскій*.

Дозволено цензурою. Екатеринославъ, 16 Марта 1898 года. Цензоръ, протоиерей *М. Знаменскій*.

СОДЕРЖАНІЕ: I. По поводу отвѣта на статью „О задачахъ церковно-приходскихъ школъ“. II. Отчетъ Екатеринославской Церковно-Учительской школы по учебно-воспитательной части за 1896/7 учебный годъ. III. Извѣстія и замѣтки. IV. Хроника Епархіальной жизни. V. Объявленія.